

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2015.1.23

Приглашение на казнь: Тургенев и Тропман

У. К. БРУМФИЛД

(УНИВЕРСИТЕТ ТУЛЕЙН, США)

Статья исследует сложность вопросов, касающихся восприятия Ф. М. Достоевским работы И. С. Тургенева в его эссе «Казнь Тропмана» — одном из самых печально известных общественных очерков в русской литературе XIX в. о казни осужденного убийцы Жана Батиста Тропмана в январе 1870 г. Отвращение Тургенева к действию, которое он посетил как приглашенный гость, вызвало интенсивную критику Достоевского. Автор комментирует эту антипатию и делает сравнительный анализ более ранних зафиксированных откликов на публичные казни не только в России, но и в Европе.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, русская литература XIX в., публичные казни, «Казнь Тропмана», восприятие смерти.

Наказание смертью становится для большинства людей спектаклем, а для некоторых предметом страдания, смешанным с негодованием, причем одно из этих двух чувств полностью захватывает сознание наблюдателя, вытесняя из него тот благотворный ужас, который претендует вызывать в нем закон.

«О преступлениях и наказаниях»,
Цезарь Беккария (Manzoni, 1964: 47).

В своем письме Николаю Страхову от 11/23 июня 1870 г. Н. Ф. Достоевский в весьма нелицеприятных выражениях описывает последнюю статью И. С. Тургенева «Казнь Тропмана» (1870): «...меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила. Почему он все конфузится и твердит, что не имел права тут быть? <...> Всего комичнее, что он в конце отвертывается и не видит, как казнят в последнюю минуту: “Смотрите, господа, как я деликатно воспитан! Не мог выдержать”. Впрочем, он себя выдаст: главное впечатление статьи в результате — ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей целостности, о своем спокойствии, и это в виду отрубленной головы» (Достоевский, 1986: 127–129).

Как это часто случается с комментариями Достоевского по поводу Тургенева, здесь много несправедливостей и преувеличений. Однако для тех, кто готов обвинить Тургенева в склонности «вставать в позу» по общественно значимым и политическим по-

водам, его отчет о казни Жана Батиста Тропмана, рабочего 21 года от роду, обвиненного в убийстве целой семьи, может показаться очевидным свидетельством малодушия и нерешительности, свойственным либералам. Даже утверждения автора о полезности, которые он делает в начале и в конце своего рассказа, звучат настолько уклончиво, что невольно возникают вопросы по поводу смысла этих утверждений. В первом из двенадцати разделов статьи автор пишет: «Быть может, не одно любопытство читателя будет удовлетворено: быть может, он извлечет некоторую пользу из моего рассказа» (Тургенев, 1983: 131). А в заключительной части статьи мы читаем: «Я буду доволен и извиню самому себе свое неуместное любопытство, если рассказ мой доставит хотя несколько аргументов защитникам отмены смертной казни или по крайней мере — отмены ее публичности» (там же: 151). Очевидная апелляция к просвещенности читателя призвана оправдать смущение автора, ставшего очевидцем казни, — в надежде на то, что это приведет хотя бы к некоторому моральному протесту против увиденного и описанного.

Тургенев был отнюдь не одиноком в формулировании этой проблемы. Он был приглашен на гильотинирование и предшествующие этому мероприятия М. Дюканом, одним из наиболее решительных противников смертной казни во Франции. Журналист и автор многотомных исследований французского общества (включая пенитенциарную систему), Дюкан был прекрасно осведомлен о процедуре подобных спектаклей, и, как стало известно, отдельные детали из его отчета о казни в *Revue des deux mondes* (1 января 1870 г.) были включены в рассказ Тургенева, как, впрочем, и некоторые высказывания по поводу чувств от публичных казней¹. Сравнение этих двух отчетов выявляет способность Тургенева адаптировать заявления Дюкана — как общие, так и частные — к своему собственному тщательному анализу мотивов и реакций, обнаруженных автором-наблюдателем в своей душе. Набор фактов, представленных Дюканом, и его социологические комментарии трансформируются Тургеневым во внутреннюю картину ужаса и притягательности, несовместимую с менторским и размеренным заключительным утверждением.

Парадоксальным образом именно мастерство, с которым Тургенев описывает казнь, делает неуместным любые извинения и оправдания. Мучительная скука ожидания этого события вкупе с увиденной в душе Тропмана духовной и психологической пустотой создают картину человеческого поведения, которая опровергает намерения, заявленные во вступлении. Человеческие чувства, испытываемые автором, и его неуверенно заявленный протест оказываются несущественными перед лицом идиотии Тропмана и животной жестокости толпы. Скорее, можно было бы говорить, что казнь эта предоставила Тургеневу еще один повод для медитативного размышления о смерти и небытии, которые так настойчиво встречаются в его зрелых трудах.

Каковым бы ни было расхождение между заявленной целью и средствами для ее представления, «Казнь Тропмана» — превосходный пример расследования события тонким наблюдателем, настойчиво стремящимся выявить моральные свойства этого явления; Тургенев использует здесь целый набор приемов, хорошо знакомых читателям его художественной прозы. Так, краткие повествования, окаймленные авторскими комментариями, впервые появились еще в начале его литературной деятельности (например, в рассказе «Певцы» из «Записок охотника»), а первая же сцена «Приглашения на казнь» — торжественный обед в исключительно мужской компании, члены которой очевидно преисполнены чувства собственного достоинства, на котором Тургеневу вручают данное приглашение, напоминает «послеобеденные вступления», часто встречающиеся в его поздних сочинениях (см. «Первая любовь», «Степной Король

Лир»). В данном случае рассказчик не предается воспоминаниям вместе со своими друзьями по застолью (с некоторыми из которых он вместе будет присутствовать на казни), он оправдывает свою «точку зрения» свидетеля в самом буквальном смысле этого слова на предстоящем мероприятии, признаваясь, что занял это место по легкомыслию и без должного рассуждения. Этот контраст между комфортом и привилегированным положением, с одной стороны, и жестокостью казни, представляемой как публичный спектакль, с другой стороны, компрометирует нравственную позицию рассказчика-очевидца, поскольку по большей части его комментарий о том, насколько этот спектакль возбуждает толпу.

Сделав необходимую уступку совести, Тургенев продолжает свое детальное описание, разбитое на 11 разделов, вплоть до финального эпизода — гильотинирования. Рассказчику удается воссоздать атмосферу скуки, усталости, ужаса, в которой внимание переключается на страдания наблюдателя, а не осужденного на казнь (это обстоятельство резко контрастирует с описаниями В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» (*Le Dernier Jour d'un condamné*, 1829)). Кажется, что самого Тропмана все происходящее вовсе не касается. Картина, открывающаяся внутреннему взору рассказчика, дополняется передаваемым им мучительным осознанием наличия вокруг толпы, для которой предстоящая казнь — ритуал и «представление» (Тургенев, 1983: 133). Нарастающий гул толпы, прибывавшей на протяжении всей ночи, создает неотвратимый и тягостный фон, усугубляющий и без того дискомфортное состояние Тургенева и подтверждающее глубоко укоренившуюся притягательность насилия для толпы, тревожащую больше, чем бессмысленное преступление Тропмана. В этом гуле можно изредка уловить некие обрывки разговора, но подавляющее впечатление — это непрерывный, неясный гул: «...гул этот поражал меня сходством с отдаленным ревом морского прибоя» (там же: 138).

Раздражает нашего наблюдателя и бессодержательность речей и взглядов тех представителей полиции и прессы, которые оказались вместе с ним в квартире коменданта и где они вели неестественный, вымученный разговор о деталях в поведении Тропмана (третий раздел). Здесь Тургенев выдвигает психологический мотив, который сопровождает его повествование до самого конца, — глубочайшую духовную и физическую апатию, усугубленную усталостью и тревогой. Комментируя попытки вежливой беседы по поводу дела Тропмана, он пишет: «...но все это так вяло, так тупо, такими общими фразами, что самим говорившим становилось не в охоту продолжать. О чем-нибудь другом беседовать было неловко... невозможно; невозможно — из одного уважения к смерти, — к человеку, который был ей обречен. Всеми нами овладевало томительное и медленное, именно медленное беспокойство; скучать — никто не скучал, но это тоскливое ощущение было во сто раз хуже скуки!» (там же: 134–135). Это отслеживание психологической диалектики выполнено Тургеневым как никогда мастерски; так, признав под тяжестью этого тупого и благоговейного ужаса, что никакие психологические или философские мотивы не в состоянии оправдать его присутствия в тюрьме Ля Рокетт, он заключает третий раздел описанием чувства облегчения, которое охватило всех присутствующих, когда на место привезли гильотину: «Мы все бросились вон на улицу — точно обрадовались!» (там же: 135).

Поведение членов небольшой группы, в которую входил и Тургенев, служит контрапунктом к поведению толпы у стен тюрьмы; и по мере того, как повествование переключается с одной группы на другую (в разделах со второго по седьмой), становится очевидным, что ни образованные люди в группе первой, ни толпа не соотносят понятия справедливости с готовящимся «актом возмездия». Здесь взгляды Тургенева

и Беккарии полностью совпадают. Его попутчикижимают руку палачу — «для шик» (там же), а толпа готовится наблюдать за тем, как палач собирается репетировать казнь. Во время этих приготовлений автора охватывает отвращение к гильотине, проявляющееся в его описании ее неожиданной грациозности, которую он называет «зловещей» и сравнивает со «стройностью длинной, внимательно вытянутой, как у лебедя, шеи» (там же: 138). Он отказывается наблюдать за репетицией из-за охватившего его чувства «какого-то моего, мне неизвестного, прегрешения, тайного стыда во мне...» (там же: 140).

В том, что Тургенев связывает устройство для казни с чем-то непристойным, присутствует тонкая ирония, ибо, если общество санкционирует наказание в виде смертной казни для того, чтобы обуздать агрессивные инстинкты — как считал Фрейд², — то в данном случае сомнительной оказывается не только сама цель предостережения, но и то, что публичное наказание явно подхлестывает самые низменные инстинкты (к тому же отмечено это явление было с использованием таких изобразительных средств, которые никакому фрейдисту были не под силу). Причем вовлеченными в этот проступок — оргиастическое неистовство, завершившееся всеобщим отвращением, — оказываются все зрители спектакля. В конце шестого раздела Тургенев несколько наивно заявляет: «Быть может, этому чувству должен я приписать то, что лошади, запряженные в фуры и спокойно жевавшие в торбах овес перед воротами тюрьмы, показали мне единственно невинными существами среди всех нас» (там же).

Если в первой части этого сочинения Тургенев определяет соотношение между публичной казнью и массовым возбуждением, во второй части он обращается к Тропману, к приготовлениям к его последнему моменту и к попытке автора понять природу человека. Однако его попытка придать самому событию и осужденному подобающую значительность вновь заканчивается неудачей. Его представление о Тропмане явно базируется на ожиданиях, которым не суждено осуществиться. Когда почетных гостей препровождают к Тропману по лабиринту тюремных коридоров, Тургенев, все еще испытывающий чувство вины за свое членство в этой претенциозной группе, усиливает свои ощущения от предстоящей встречи с преступником неким перечнем, счетом: «...вот сейчас... сейчас... сию минуту... сию секунду... Мы поспешно взобрались по двум лестницам в другой коридор, прошли и тот, спустились по узкой винтообразной лестнице — и очутились перед железною дверью... *Здесь!*» (там же: 141). Очевидная попытка создать ощущение готического ужаса рассеивается в свете, наполняющем камеру осужденного, его неописуемом облике, его действиях («незначительном» последнем письме к матери) и неудаче, венчающей все попытки придать этой сцене достоинство или свойства нравственной драмы. На реплику священника «*Du courage*» («Мужайтесь!») не следует никакой реакции, ни малейшего проявления беспокойства. Следует сардоническое замечание Тургенева: «Мы все были, без сомнения, и бледней и встревоженней его» (там же: 143).

Установив таким образом отсутствие угрызений совести или вины в преступнике перед казнью, автор оставляет оставшиеся разделы своего отчета (с девятого по одиннадцатый) для подробнейшего перечисления последних моментов приготовлений к выходу к гильотине. Умело манипулируя временем на протяжении всего повествования, Тургенев прибегает к *ritardando* («замедлению») перед финальным моментом, предлагая точнейшее описание того, как осужденному стригут волосы, одевают в «смирительную рубашку» и тому подобное — детали, которые и вызовут у автора тошноту в момент казни.

Есть в его наблюдениях также и последняя (как будто) попытка осмыслить связь между нынешним Тропманом и Тропманом-убийцей. В восьмом разделе он пишет по поводу поведения Тропмана: «Но при виде этого спокойствия, этой простоты и как бы скромности, все чувства во мне — чувство отвращения к безжалостному убийце, к извергу, перерывавшему горла детей в то время, когда они кричали: *taman! taman!* — чувство жалости, наконец, к человеку, которого смерть уже готовилась поглотить, — исчезли и потонули в одном: в чувстве изумления. Что поддерживало Тропмана?» (там же: 144). Поддерживала Тропмана публичность казни, пишет Тургенев, как будто иронизируя над собственными ощущениями противоположной направленности, над тем, что давало ему силы, словно актеру, сыграть свою последнюю роль на сцене.

А вот какие мысли проносятся в голове у автора во время того, как приговоренному стригут волосы (десятый раздел): здесь описание тонких рук, когда-то обогранных кровью; тонкой юношеской шеи, вслед за чем следует череда таких образов, как лезвие ножа, вонзающееся в вены, мускулы, позвонки; вновь повторяющиеся попытки угадать, о чем думает Тропман (там же: 147). Настойчивые усилия Тургенева «вообразить» Тропмана и неспособность сделать это указывают на некоторый сбой, погрешность в моральной ответственности. Преступник не безумен, но его атрофированное чувство собственной личности и ответственности, очевидно, ограничивают изображение автора³.

Тургенев не находит в событии, свидетелем которого он стал, ничего оправдываемого с точки зрения морали, правомерного: все участники лишь играют роли, лишённые смысла. Вот что он пишет в последнем (двенадцатом) разделе: «Но никто из нас, *решительно никто не смотрел человеком, который сознает, что присутствовал при совершении акта общественного правосудия*: всякий старался мысленно отвернуться и как бы сбросить с себя ответственность в этом убийстве...» (там же: 150). Это недвусмысленное заявление предваряет соображения автора по поводу смертной казни; однако, как уже говорилось выше, Тургенев не принимает некую абсолютную позицию, опирающуюся на правовые или нравственные основания. Его последние высказывания склоняются в сторону проблемы публичных казней — довольно редких явлений в Европе в конце XIX в. и отнюдь не центральной проблемы в дебатах по поводу отмены смертной казни⁴.

Следовательно, интенсивная вовлеченность, которую Тургенев привносит в статью «Казнь Тропмана», должна была быть вызванной беспокойством, выходящим за рамки даже очень резкой критики публичных казней. Эта критика, по-видимому, послужила лишь предлогом для этой статьи. В центре текста — смерть, и реакция автора никоим образом не может быть объяснена только его негодованием или физическим отвращением, испытанным им в момент убийства. Помимо физической тошноты, переданной чрезвычайно убедительно, здесь присутствует и другой вид тошноты, переданной посредством описания толпы, расходящейся с места казни: «Целая река человеческих существ, мужчин, женщин, детей, стремилась мимо нас свои некрасивые и неопрятные волны. Почти все молчали; одни лишь блузники-работники изредка перекликались: “Куда, мол, ты?” — “А ты куда?”, да уличные мальчишки приветствовали свистом проезжающих “кокоток”. И что за испитые, угрюмые, сонные лица! Что за выражение скуки, утомления, неудовлетворения, досады, вялой беспредметной досады! Пьяных я, впрочем, видел немного; либо их уже успели прибрать, либо они сами утомонились. Будничная жизнь принимала опять всех этих людей в свои недра — и для чего, для каких ощущений они на несколько часов выходили из ее колеи?» (там

же: 150). Общую усталость, которая видится автору в шаркающей толпе, разделяют и другие наблюдатели. Описываемое Тургеневым состояние своего ума с помощью таких слов, как «усталость», «вялость», «утомление», «холодная тошнота», напоминают другой литературный опус, вдохновленный публичной казнью, — сочинение Константина Случевского «После казни в Женеве» («Тяжелый день... Ты уходил так вяло...») (Случевский, 1962: 204).

В отличие от чувственного, сюрреалистического видения Случевского кошмар, описанный Тургеневым, отражает его духовную озабоченность, которая часто дает о себе знать в его письмах этой поры. Так, впечатление, произведенное казнью на ум, и без того отягощенный раздумьями о смерти, отражено в письме Павлу Анненкову в январе 1870 г. После долгого и наполненного болью пассажа, посвященного недавней смерти Александра Герцена, Тургенев пишет: «Смерть мне потому особенно “смердит”, что я имел на днях совершенно неожиданно случай именно нанюхаться ее вволю. Через одного приятеля я получил приглашение (в Париже) присутствовать не только при казни Тропмана, но и при объявлении ему смертного приговора, при его “toilette” и т. д. Нас было всего восемь человек. Я не забуду этой страшной ночи, в течение которой “I have supp’d full of horrors” и получил окончательное омерзение к смертной казни вообще и к тому, как она совершается во Франции в особенности» (Тургенев, 1964: 168–169).

Смердящий запах смерти продолжает ощущаться в переписке Тургенева в этот период, как, например, это имеет место в его письме от 1872 г. Людвигу Питшу (Pietsch): «Also wirklich — keine ‘zweite Welle mehr’? Es geht bergab mit uns — bergab — da steht sie schon, die blinde, stumme, graue, kalte, dumme, gefräßige, ewige Nacht» (Тургенев, 1965а: 203). Частично эту мысль можно отнести на счет его физического недомогания (острых и частых приступов подагры) или, более общо, того, что он назвал в своем письме Флоберу «la tristesse de la cinquantième année» («печалью пятидесятого года от роду»). Однако *taedium vitae* («пресыщенность жизнью»), которая определяла его восприятие толпы и кровавого спектакля, наводит на мысль о более глубокой обеспокоенности личного и политического свойства.

Говоря о личном, письмо Питшу особенно ясно излагает размышления Тургенева по поводу смерти и небытия — размышления, не раз повторяющиеся в его работах (помимо описания сцен смерти таких его героев, как Инсаров и Базаров) и появившиеся в них задолго до описания казни Тропмана. Например, кульминацией обзора исторической и социальной глупости (включая Вторую империю во Франции) в его фантазии «Призраки», задуманной в 1855 г. и опубликованной в журнале Достоевского «Эпоха» в 1864 г., стало появление чудовищного воплощения смерти, а заканчивается это произведение нервным срывом, поразившим рассказчика при мыслях о смерти и последующем «ничтожестве»⁵.

Сходные мысли о «всепоглощающем и гнетущем страхе смерти» преследуют и героя «Вешних вод» (начатых в 1870 и опубликованных в 1872 г.) Дмитрия Санина; в данном случае этот страх связан с рыбоподобными чудовищами, которые поднимаются из глубин моря, обманчиво покойной жизни. Несмотря на комфортное и в социальном смысле даже богатое существование, Санин пребывает под властью *taedium vitae*, смысл которого усугубляется Тургеневым за счет добавления к нему русского выражения «отвращения к жизни» (Тургенев, 1965b: 7, 8). На более умозрительном уровне *taedium vitae* были пронизаны и более ранние размышления Тургенева, высказанные им, в частности, в «Довольно (Отрывок из записок умершего художника)» (1864). Но и в художественных сочинениях, и в таких мечтаниях, как «Довольно...»,

Тургенев неоднократно подчеркивал беспомощность человека перед слепыми и индифферентными силами природы (Хаосом) и судьбы.

Кульминация тургеневских раздумий о смерти наступает в его «Стихотворениях в прозе», и хотя они появились спустя несколько лет после статьи о Тропмане, они резюмируют снова и снова и в разнообразных аспектах видение смерти, присущее Тургеневу. Не менее двух дюжин из этих восьмидесяти «стихотворений» посвящены этой самой теме, причем формы этих проявлений включают и чудовищ, и призраков («Насекомые», «Старуха»), и более медитативные образы (как в «Конце света: сон» или «Дрозд»). Как и в письме к Питшу, частым символом смерти и забвения (Тургенев, 1967: 154, 203) становится образ воды, моря, и тут напрашивается сравнение Тургеневым непрекращающегося ропота толпы перед казнью с шумом моря (Тургенев, 1983: 148).

Для способности сопереживать, так тонко настроенной на понятие смерти, бессмысленной и без надежды на искупление, казнь Тропмана становится фокусом противостояния с хаосом и пустотой смерти (преступление, совершенное убийцей, и месть, осуществляемая государством). Удивительная и бессмысленная сила Тропмана, нераскаившегося, лишённого всякой героики, самообладание, с которым он шел на казнь, отказываясь от лекарственных снадобий и религиозных утешений, — все это вызывало немалые сомнения в рациональных предпосылках, связанных с естественным законом. Кошмарное и в то же время более чем реальное, хотя и беглое знакомство с небытием, несомненно, должно было произвести в душе Тургенева более глубокий отклик, чем какие бы то ни было открыто заявленные желания реформ, хотя бы и совершенно искренние.

Образ Тропмана, созданный Тургеневым, дополняется его страхом по поводу общего краха всех стандартов западной цивилизации. Хотя писатель не разделял столь же интенсивной антипатии к отдельным социальным и политическим западным ценностям, какая была характерна для Достоевского, он весьма скептически относился к Наполеону III и ассоциируемой с ним смеси буржуазных и имперских претензий (отношение это сложилось у него в «Письмах о Франко-прусской войне» — несколько месяцев спустя после написания статьи о Тропмане)⁶. Толпа, собравшаяся на казнь Тропмана, стала миниатюрным прообразом нестабильности Второй империи, и его повествование содержит неприкрытые указания на политическое насилие, всевозможные уловки и трюки, милитаризм и проявления антиправительственных чувств среди населения.

Такое представление о потенциальном проявлении массового насилия в современном промышленном государстве непосредственно обращено к угрозе западным идеалам, которые разрабатывались Достоевским в таких романах, как «Идиот» и «Подросток», а также Генри Джеймсом в его романе «Принцесса Казамассима». Для всех трех писателей Париж — средоточие цивилизации и возможностей ее разрушения. Любимый город Тургенева становится авансценой насилия, а про его угрюмых, деморализованных обитателей он пишет: «Страшно подумать о том, что тут гнездится» (Тургенев, 1983: 150). В одном месте он сравнивает их с якобинцами 1794 г. (там же: 144). Особенно запоминается образ «одного блузника, молодого малого лет двадцати: он стоял потупившись и ухмыляясь, словно размышлял о чем-то забавном, и вдруг вскидывал голову, разевал рот и кричал, кричал протяжно, без слов, а там опять лицо его склонялось, и он опять ухмылялся» (там же: 139). Абсурдность и опасность, исходившая от этой и подобных сцен, стали своего рода предзнаменованиями беспорядков будущего года, события которого (война и Парижская коммуна) были отражены

в комментариях Тургенева и его коллег Флобера и Эдмона Гонкура. В частности, записи Гонкура в журнале за 1870–1871 гг. часто содержат описания уличных толп и сцен насилия, подтверждая точность оценок общественного настроения в Париже на грани краха, данных Тургеневым⁷.

Если бы «Казнь Тропмана» оценивалась исключительно как произведение социального протеста, можно было бы в большей степени склониться к пародии Достоевского на одну из работ Тургенева (возможно, статью про Тропмана) в его «Бесах»: «Вся статья эта, довольно длинная и многоречивая, написана была единственно с целью выставить себя самого. Так и читалось между строками: “Интересуйтесь мною, смотрите, каков я был в эти минуты”» (Достоевский, 1974b: 70; краткое изложение мнений по поводу конкретных объектов сатиры Достоевского см.: Достоевский, 1975: 291). Злой этот памфлет бьет в точку: читатель и вправду всегда точно знает, какое именно страдание от сознания своей вины довлеет над автором повествования. Это вовсе не означает, однако, что доступные нам наблюдения и суждения не есть результат работы тонкого ума, они устанавливают определенные отношения между эстетическими и нравственными ценностями. Кроме того, именно реакция Тургенева подтверждает жестокость описываемого им спектакля.

Вот что пишет Мишель Фуко (Michel Foucault) по поводу упадка публичных наказаний в XIX в.: «Все еще присущие ей театральные элементы также пришли в упадок, как если бы функции карательной церемонии перестали пониматься народом, а этот «венчающий преступление» обряд стал подозреваться в некоей нежелательной связи с самим преступлением... Теперь публичная казнь рассматривается как очаг, в котором насилие вспыхивает вновь и с новой силой» (Foucault, 1977: 9). Рассказ Тургенева демонстрирует это замешательство в процедуре, а его желание больше никогда не видеть подобного зрелища ставит его в ряд с такими просвещенными реформаторами, как Беккария. Без ответа остается разве что вопрос о том, что составляет главную заботу писателя: публичность казни или собственно использование насилия в карательных целях? По поводу позиции Достоевского на этот счет сомнений быть не может, особенно после прочтения монолога Мышкина по поводу смертной казни (см. «Идиот», глава 2), в котором он оспаривает утверждение, что гильотина сокращает смертную агонию казнимого. Великолепно отточное повествование Тургенева, эффективное еще и тем, что передает непосредственность восприятия события, остается отчетом свидетеля; Достоевский же говорит в «Идиоте» и в своих замечаниях на статью Тургенева как человек, испытавший на себе, что значит находиться на эшафоте.

Однако, не считая специфических социальных вопросов, «Казнь Тропмана» в высшей степени соответствует более глубоким поворотам тургеневской мысли. В то время как Достоевский обвинял Тургенева в малодушии и беспомощном маловерии, его подчас навязчивое предвидение хаоса и смерти можно отнести к присущему русской литературе беспокойству и по поводу индивидуальной морали, и по поводу социальных катаклизмов. К счастью, не все последствия этого ужаса были реализованы, а Толстой, Достоевский и Тургенев использовали каждый свой собственный способ отображения своих страхов перед практически теми же самыми фантомами. В этом контексте «Казнь Тропмана» следует оценить как *resolute* не только за объединение личного и общественного, но также и за отражение бесчеловечного «ночного дозора» перед казнью, такого точного образа «*die ewige Nacht*».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Муратов, 1977. Статья Дю Кана озаглавлена «La place de la Roquette».

² См. особенно анекдотическую ссылку Фрейда к дебатам о смертной казни во Французской палате (Freud, 1961: 58).

³ На память приходит другое видение убийства Достоевским — нигилиста Нечаева. Закончив незадолго до этого «Бесов», главный герой которых Петр Верховенский частично списан с Нечаева, Достоевский поражен пустотой и простотой последних слов Нечаева на суде (как они были переданы прессой): «Нет, признаюсь, я до самого последнего момента думал, что все-таки есть что-то между строчками, и вдруг — какая казенщина! <...> Да здравствует Земский собор, долой деспотизм! Да неужели же он ничего не мог умнее придумать в своем положении» (Достоевский, 1975: 205).

⁴ Прочие знаменательные сочинения по вопросу о смертной казни: работа Виктора Гюго «Le Dernier Jour d'un condamné» (1829) и монолог князя Мышкина в главе 2 «Идиота» Ф. М. Достоевского (см. анализ взаимоотношений между этими двумя произведениями в примечаниях: Достоевский, 1974а: 429–430). В отличие от Тургенева Достоевский и Гюго описывают приготовления к казни с точки зрения приговоренного, этот прием создает эмоциональный оттенок, который напрочь отсутствует в тексте Тургенева. Между прочим, Мышкин утверждает, что в России смертной казни и вовсе нет, — это неправильное утверждение, возможно, было сделано по указанию цензора. Не слишком твердая позиция Тургенева по вопросу о смертной казни также могла быть продиктована необходимостью, связанной с той же цензурой; однако и его частная переписка на эту тему свидетельствует о той же осторожной позиции.

⁵ Критика Достоевским «Призраков» предоставляет еще один типичный образец его оценки Тургенева: «...“Призраки” (по-моему, в них много дряни: что-то гаденское, большое, старческое, неверующее от бессилия, одним словом, весь Тургенев с его убеждениями, но поэзия много выкупит, я перечел в другой раз)» (Достоевский, 1985: 72–73).

⁶ См. прочие ссылки на отношение Тургенева к войне и «Империи» (Тургенев, 1968: 287–288).

⁷ Английский текст этих записей см.: Paris under Siege, 1969.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Достоевский, Ф. М. (1974а) Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука. Т. 9. 528 с.
 Достоевский, Ф. М. (1974b) Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука. Т. 10. 520 с.
 Достоевский, Ф. М. (1975) Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука. Т. 12. 376 с.
 Достоевский, Ф. М. (1985) Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука. Т. 28, кн. 2. 616 с.
 Достоевский, Ф. М. (1986) Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука. Т. 29, кн. 1. 576 с.
 Муратов, А. Б. (1977) Тургенев и Максим Дьюкан (К творческой истории "Казни Тропмана") // Тургенев и его современники / под ред. М. П. Алексеева. Л. : Наука. 286 с. С. 136–142.
 Тургенев, И. С. (1965а) Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Письма : в 13 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук. Т. 9. Письма. 1871–1872. 651 с.
 Тургенев, И. С. (1965b) Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Соч. : в 15 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук. Т. 9. Повести и рассказы. Дым. 1860–1867. 557, 3 с.
 Тургенев, И. С. (1967) Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Соч. : в 15 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук. Т. 13. Повести и рассказы. Стихотворения в прозе. 1878–1883. Произведения разных годов. 734, 1 с.
 Тургенев, И. С. (1968) Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. : Соч. : в 15 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук. Т. 15. Корреспонденции. Речи. Предисловия. Открытые письма. Автобиографическое и прочее. 1848–1883. 494, 1 с.
 Тургенев, И. С. (1983) Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. : Соч. : в 12 т. М. : Наука. Т. 11. «Литературные и житейские воспоминания». Биографические очерки и некрологи. Автобиографические материалы. Незавершенные замыслы и наброски, 1852–1883. Произведения разных годов. 525, 2 с.
 Случевский, К. К. (1962) Стихотворения и поэмы. М. ; Л. : Советский писатель. 468 с.
 Foucault, M. (1977) Discipline and punish / transl. by A. Sheridan. N. Y. : Pantheon Books. 333 p.
 Freud, S. (1961) Civilization and its discontents / transl. and ed. by J. Strachey. N. Y. : W. W. Norton. 109 p.

Manzoni, A. (1964) *The column of infamy* / transl. by K. Foster, J. Grigson. L. : Oxford University Press. 212 p.

Paris under siege, 1870–1871: From the Goncourt journal (1969) / ed. and transl. by G. Becker. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press. 334 p.

Дата поступления: 12.12.2014 г.

INVITATION TO A BEHEADING: TURGENEV AND TROPPMANN

W. C. BRUMFIELD
(TULANE UNIVERSITY, USA)

The article examines a complexity of questions surrounding Fedor Dostoevsky's perception of Ivan Turgenev's perception, in his essay «Kazn' Tropmana», of one of the most notorious public spectacles of the 19th century: the execution of the convicted murderer Jean Baptiste Troppmann in January 1870. Turgenev's disgust at the execution, which he attended as a distinguished guest, aroused the intense criticism of Dostoevsky. The article comments on this antipathy and explores earlier 19th-century perceptions of public executions in their relation to the work of both Turgenev and Dostoevsky.

Keywords: Ivan Turgenev, Fedor Dostoevsky, public executions, Jean Baptiste Troppmann, Maxime Du Camp, Victor Hugo, Paris, Henry James, Napoleon III, Michel Foucault, Konstantin Sluchevskii, Cesar Beccaria, death penalty.

REFERENCES

Dostoevsky, F. M. (1974a) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ. Vol. 9. 528 p. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1974b) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ. Vol. 10. 520 p. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1975) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ. Vol. 12. 376 p. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1985) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ. Vol. 28, book 2. 616 p. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1986) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ. Vol. 29, book 1. 576 p. (In Russ.).

Muratov, A. B. (1977) Turgenev i Maksim D'iukan (K tvorcheskoi istorii «Kazni Tropmana») [Turgenev and Maxime du Camp (Towards the composition history of "The Execution of Troppmann")]. In: *Turgenev i ego sovremenniki* [Turgenev and his contemporaries] / ed. by M. P. Alekseev. Leningrad, Nauka Publ. 286 p. Pp. 136–142. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1964) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : Pis'ma [Letters] : in 13 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences. Vol. 8. Pis'ma [Letters]. 1869–1870. 615, 3 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1965a) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : Pis'ma [Letters] : in 13 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences. Vol. 9. Pis'ma [Letters]. 1871–1872. 651 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1965b) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : Sochineniia [Works] : in 15 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences. Vol. 9. Povesti i rasskazy. Dym. 1860–1867 [Novellas and short stories. Smoke. 1860–1867]. 557, 3 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1967) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : Sochineniia [Works] : in 15 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences. Vol. 13. Povesti i rasskazy. Stikhotvoreniia v proze. 1878–1883. Proizvedeniia raznykh godov [Novellas and short stories. Poems in prose. 1878–1883. Works of various years]. 734, 1 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1968) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 28 vols. : Sochineniia [Works] : in 15 vols. Moscow ; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences.

Vol. 15. Korrespondentsii. Rechi. Predisloviia. Otkrytye pis'ma. Avtobiograficheskoe i prochee. 1848–1883 [Correspondence. Speeches. Forewords. Open letters. Autobiographical and other works]. 494, 1 с. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1983) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] : in 30 vols. : Sochineniia [Works] : in 12 vols. Moscow, Nauka Publ. Vol. 11. «Literaturnye i zhiteiskie vospominaniia». Biograficheskie ocherki i nekrologi. Avtobiograficheskie materialy. Nezavershennye zamysly i nabroski, 1852–1883. Proizvedeniia raznykh godov [“Literary reminiscences and autobiographical fragments”. Biographical sketches and obituaries. Autobiographical materials. Incomplete fragments and notes, 1852–1883. Works of various years]. 525, 2 p. (In Russ.).

Slychevsky, K. K. (1962) *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems]. Moscow ; Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ. 468 p. (In Russ.).

Foucault, M. (1977) *Discipline and punish* / transl. by A. Sheridan. New York, Pantheon Books. 333 p.

Freud, S. (1961) *Civilization and its discontents* / transl. and ed. by J. Strachey. New York, W. W. Norton. 109 p.

Manzoni, A. (1964) *The Column of infamy* / transl. by K. Foster and J. Grigson. London, Oxford University Press. 212 p.

Paris under siege, 1870–1871: From the Goncourt journal (1969) / ed. and transl. by G. Becker. Ithaca, NY, Cornell University Press. 334 p.

Submission date: 12.12.2014.

Брумфилд Уильям Крафт — доктор наук, профессор славистики Университета Тулейн, Новый Орлеан, США. Адрес: 6823 Saint Charles Avenue, New Orleans, Louisiana, 70118, USA. Тел.: +1 (504) 865-5276. Эл. адрес: William.brumfield@gmail.com

Brumfield William Craft, PhD, Professor of Slavic Studies, Tulane University, New Orleans, USA. Postal address: 6823 Saint Charles Avenue, New Orleans, Louisiana, 70118, USA. Tel.: +1 (504) 865-5276. E-mail: William.brumfield@gmail.com